

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из зёрен традиций

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

к 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

*И.Е. Кознова,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
УРАН «Институт философии РАН», г. Москва*

**Культура как память:
севернорусский крестьянин вспоминает прошлое
(по воспоминаниям И.С. Карпова)**

Потребность обращения к прошлому и коммуникации с ним – одна из черт социальной жизни. Для осмысления присутствия прошлого в настоящем используются различные термины, среди которых «социальная память», «историческая память», «коллективная память». Память рассматривается как способ передачи культурных ценностей, смыслов, навыков, норм и форм поведения. В широком смысле в гуманитарной мысли акцент делается на тождественности понятий «культура» и «память», понимании культуры как памяти человечества, а памяти – как его социального опыта [12, 13].

Обращение к проблемам памяти стало особенно активным в последние десятилетия. Объясняется это тем, что в результате методологического поворота в гуманитарных науках появилось новое отношение к документам в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, а задача исследователей заключается в том, чтобы помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) обрести собственную идентичность [17, с. 6].

Память – это актуальный и символический образ прошлого, конструируемый в контексте социальных действий. В изучении подобной реконструкции прошлого исследователи видят попытку понять особенности коллективного опыта, опирающегося на традицию и шире – все ментальное (то есть «расположенное» между осознанным и бессознательным). Прошлое составляет временной континуум с настоящим и будущим. Реконструкция прошлого происходит в соответствии с обстоятельствами той или иной культуры. В рамках общества существуют разные ритмы памяти: например, память сельского сообщества и городского имеет некоторые несомненные отличия. Различны способы функционирования памяти в условиях спокойного и возбужденного состояния общества, особенно в эпохи, когда происходят разрывы в повседневном существовании. Неодинаков и след, который оставляет в памяти та или иная эпоха.

В последнее время во многом пересматривается взгляд на отношение индивидуального опыта к коллективной памяти. Внимание исследователей фокусируется на реконструкции индивидуальных стратегий людей и их биографий, на изучении повседневности путем анализа индивидуальных практик [9, 1]. Подчеркивается активная роль индивидуальной памяти, которая включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом она подразумевает приобщение к опыту социальному, превращение чужого опыта в собственный, причастность к весьма отдаленным собы-

тиям¹. Получают развитие исследования автобиографической памяти как способа презентации индивидуального опыта [15].

Интерес к крестьянским представлениям о прошлом и его исторической памяти обозначился в момент подъема русского национального самосознания в конце XVIII – начале XIX веков и сохраняется до настоящего времени. Прошлое в крестьянской культуре и социальной практике представлено, прежде всего, как образ жизни, как преемственность. В структуре памяти обычно выделяются два уровня – событийный (ретроспективная память о прошлых событиях) и уровень универсальный, связанный с ценностными представлениями. Оба уровня определяют сознание и поведение людей. В крестьянской памяти эти уровни тесно переплетены между собой и имеют свою специфику, определяемую особенностями народной культуры – ее устным характером и традиционностью.

В крестьянской среде рождались, по крайней мере на протяжении последних двух-трех веков, письменные документы коллективного происхождения: приговоры, наказания, петиции, воззвания. Вместе с тем, крестьян иногда называют самым «молчаливым» сословием, имея в виду характерную для него единичность и уникальность документов личного происхождения. Однако, как полагают исследователи, мемуары, как любое литературное явление, – это продукт не массовый, а единичный [11, с. 5]. Впрочем, в наши дни объем мемуарной литературы заметно прирастает, а некоторые из подобных свидетельств памяти вполне могут быть отнесены к разряду fiction, то есть развлекательного, массового чтения. Но к крестьянству все это не имеет никакого отношения.

Научный сотрудник древлехранилища Пушкинского Дома Г.В. Маркелов, отмечая, что в громадной толще отечественной мемуаристики мемуары русских крестьян составляют самый тонкий, исчезающий слой, пояснял, что он подразумевает, говоря о крестьянских мемуарах и их авторах. Когда речь идет о мемуарах крестьян, имеются в виду те авторы, которые не просто выводят, так сказать, корни своего происхождения из грунта российского крестьянства – таких ныне едва ли не большинство. Речь надо вести о тех мемуаристах, которые, родившись крестьянами, прожили жизнь в деревне, разделив с нею собственную судьбу, испытав на себе все, что видению было угодно сотворить с этой частью русского народа [8, с. 7]. Именно к такого рода мемуарам относятся, по мнению Г.В. Маркелова, воспоминания севернорусского крестьянина Ивана Степановича Карпова.

Жизнеописание И.С. Карпова «По волнам житейского моря» было написано в начале 1970-х годов, когда автору было уже за восемьдесят лет². Тогда же воспоминания попали в древлехранилище Пушкинского Дома, однако там они были отмечены комментарием «Рукопись читателям не выдавать» и оказались закрытыми для них вплоть до 1989 года. Жизнеописание публиковалось фраг-

¹ Подробнее см.: *Ретина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М., 2003. – С. 17 – 21.

² Иван Степанович Карпов родился в 1888 году в деревне Звягинской Ляховской волости Сольвычегодского уезда Вологодской области. Умер в 1986 году; похоронен в селе Пермогорье Красноборского района Архангельской области.

ментами в «Огоньке» в 1990 году и затем – полностью – в 1992 году в «Новом мире» [8, с. 7 – 76].

Воспоминания И.С. Карпова окрылись читателям в годы перестройки – в тот период отечественной истории, который характеризуется повышенным вниманием общественности к событиям «великого перелома» и активизацией памяти о нем, включая так называемый низовой уровень. Напомним, что тогда, в конце 1980-х годов, официально были сняты табу на признание насильственного характера коллективизации, она получила статус «трагедии советской деревни». Революция и затем коллективизация самым непосредственным образом отразились на судьбе И.С. Карпова. Они стали рубежами его памяти.

Пространство воспоминаний Ивана Степановича – архангельская земля. В годы коллективизации Архангельск и Соловки стали для крестьян Центральной России символами репрессивной политики власти. Отделяющие нас от тех событий 80 лет – срок, который исследователи связывают с функционированием коммуникативной памяти. Параллельно ей и далее формируется общественная традиция, связанная с культурной (символической) памятью или забыванием [3, с. 52 – 53]. И.С. Карпову представлялось важным, чтобы то, что происходило с людьми в те годы, сохранилось в памяти потомков.

И.С. Карпов родился в бедной многодетной крестьянской семье. Отец был пьяницей (что довело его в конечном счете до самоубийства); хозяйство держалось на деде и матери, женщине глубоко верующей и грамотной. Мать научила мальчика молитвам и азбуке, дед – хозяйствованию. Двенадцатилетнего Карпова мать по обету, данному при его рождении, отдала на год в Соловецкий монастырь, где он стал певчим. Затем И.С. Карпов был псаломщиком в сельской церкви, при этом имел немного земли и сенокоса. Все это составляло канву его жизни до революции.

В этом дореволюционном периоде существуют два времени И.С. Карпова. Одно время – событийное, главным образом – хозяйственное. Оно течет, изменяется, поскольку взрослеет и меняется сам человек. Но оно близко природному, круговому времени, потому что таково время аграрного цикла: одни и те же работы повторяются из года в год, из сезона в сезон. Хотя семья была бедная, но все основные крестьянские работы выполнялись, а сам Иван с детства, как и подобает крестьянскому мальчику, включался в трудовой процесс. Например, хлеба для себя у Карповых хватало, потому что были раскопаны полянки, не входящие в душевые наделы. Пашни и жатвы было много, и Ивану давали маленький серп, чтобы он помогал взрослым.

Одна из самых ярких детских привязанностей – «очень смиренный старый конь Рыжко» [8, с. 10]. Вообще лошадь занимала особое место в жизни крестьянина. Забегая вперед, отметим, что крестьяне вспоминали коллективизацию как болезненно переживаемый, вынужденный, насильный отрыв от земли. Памятно, как «болела душа о своей земле». Однако с еще большим негодованием вспоминается обобществление лошадей («лошадок»). Тема лошадей присутствует практически во всех документах личного происхождения – дневниках, воспоминаниях, автобиографиях, и зачастую это – особая, специальная тема тех или иных крестьянских «записок».

В дневнике тотемского крестьянина А.А. Замараева (Вологодская губерния) читаем запись за 1 октября 1915 года: «Сегодня продал Карька Пашке Цыгану за 50 рублей. Славная была лошадь у меня и родилась в 1897 году, в мае, 27. Я работал на ем любя». На страницах его дневника лошади упоминались неоднократно [5, с. 30, 117, 126 и др.]. В памяти М. Ефремова, председателя алтайского колхоза в 1930 – 1940-е годы, сохранилась покупка коня в далекие 1890-е годы – годы детства [6, с. 6]. В середине 1960-х годов тверские крестьяне прекрасно помнили цены на лошадей в годы Первой мировой войны. Так, жительница села Молдино отмечала, что вынуждена была продать лошадь богатому соседу за 17 рублей, в то время как, по свидетельству жителя соседней деревни, лошадь в то время стоила от 50 до 100 рублей. [16, с. 85 – 86].

Крестьянам вообще присуща точность памяти на всевозможные цифры – цены, урожаи, количество скота и прочее (И.С. Карпов – не исключение).

Вот как описан в воспоминаниях сибирского крестьянина В.А. Плотникова любимый мерин Мухортко: «Такой был умняга толико неговорил атут все меня понимал выросли мсним (мы с ним) вместе чути когда что сбеднится прииду к нему повешаюсь нашею на ревуся и опят далише продолжаем». Кроме этого, у В.А. Плотникова есть еще «рассказ» – специальное документальное повествование о лошади, названное «Рыжко» («Ршко») [2, с. 7, 55, 118]. Любимого коня пежемского крестьянина И.Г. Глотова тоже звали Рыжко [14, с. 60, 62, 156, 171 – 174, 195].

Маленького Ивана Карпова часто сажали на спину к их Рыжку, и мальчик только и ждал этого случая. Для него, так же, как и для упомянутых выше крестьян, памятен момент расставания с конем, которого старым и обессилевшим обменяли на ярмарке на другого коня. По вине отца-пьяницы конь потерял одну ногу, но дед так ухаживал за конем, что и хромым он был тяглым. В 12 лет И.С. Карпов уже сам стал привозить на хромом коне понемногу дров, мог нарубить чурок, лучины к зиме заготовить, снять бересту и оскоблить кору. В связи со смертью отца конь упоминается тоже: «Остались мы от отца втроем: мама, я, брат и хромой конь, он кормилец, он пахал нашу землю и землю соседа» [8, с. 16]. В 1902 году, когда Карпов жил в Соловецком монастыре, в губернии стояла сильная засуха, и матери пришлось продать хромого коня на скотобойню за 90 копеек. Целого рубля за него не дали (для сравнения – воз сена стоил 25 рублей, корова – так же) [8, с. 21]. Через год после возвращения И. Карпова из монастыря была куплена за 25 рублей кобыла, и она была «хотя невидная, но для работы хорошая». С этой лошастью в жизни И.С. Карпова был связан пророческий сон – один из двух, которых ему довелось увидеть в жизни [8, с. 23]. Надо сказать, что в последующем, когда Иван Степанович стал священником и вел одновременно крестьянское хозяйство, ему не везло на лошадей. Возможно, потому, что он стремился выйти за пределы крестьянствования как образа жизни.

Среда, в которую И.С. Карпов был погружен в детстве и отрочестве, состояла из разнородных элементов. Одни тесно переплетались с другими. Мир семьи Карповых, как и мир их односельчан, был населен домовыми и лешими, наполнен всевозможными предсказаниями и приметами. Как и в любой крестьянской семье, соблюдались ритуалы «завивания бороды» – надежда на будущий

урожай и корм для лошадей. Карпов вспоминал: «Когда дожинали последний сноп овса, оставляли немного овса несжатого, навивали пучок и приговаривали кому-то в подарок, не знаю кому, вероятно, какому-то дедушке-домовому. Последний сжатый сноп дедушка приносил домой и ставил под божницу за столом. Мама зажигала лампадку и благодарила Бога. Хотя стол наш был самый скудный, но по обычаю в день окончания жатвы готовили какие-либо жиры с толокном или ячменной крупой» [8, с. 11].

Но православие открывало дверь в мир грамоты и книжности, а близость Соловецкой земли создавала особый настрой. Включался еще один, новый для крестьянской среды элемент – земское светское образование. Учительница местного начального училища Л.Н. Светлосанова была, пожалуй, третьим человеком (после матери и деда), сыгравшим особую роль в жизни Ивана Степановича. Она поддержала своим участием (включая финансовое) его стремление петь в Архирейском хоре В. Устюга. Кстати, давала займы деньги и на покупку лошади.

Сплавление всех перечисленных элементов и породило личность И.С. Карпова.

Воспоминание, являясь ретроспективной памятью, выстраивает определенный образ прошлого и представляет культурный капитал, который может быть использован потомками. Но воспоминание обладает и другим смыслом. В частности, стимул к работе воспоминания обязан потребности в самопознании и «изображении самого себя» по отношению к настоящему [4, с. 64].

Современные исследования в области неврологии показывают, что воспоминание представляет собой гибкую систему, которая в меньшей степени служит мыслям о прошлом, чем ориентированию в настоящем на будущее. Она позволяет вернуться к чему-то, что не соответствует или только частично соответствует действительности, но (предполагаемо) правильному решению в настоящем. При этом воспоминание не исключает вымысел [4, с. 65]. Коммуникативный аспект воспоминания, то есть подверженность его постоянным изменениям в процессе общения с другими, – важный момент конструирования прошлого через настоящее и селективной работы памяти¹.

Поэтому второе время воспоминаний И.С. Карпова – время движения его самосознания, его «окультуривания» в том смысле, который имел в виду Н.А. Бердяев, утверждая, что «культура есть искания человеческого духа».

Надо сказать, что Иван Степанович (не в последнюю очередь из-за своей религиозности или, скорее, благодаря ей) прекрасно понимал силу воздействия на человека слов, письма, поступков, разнообразных явлений окружающего мира именно как проявления памяти, как преображенного памятью духовного опыта. Пожалуй, такое видение вполне созвучно мыслям Е.Н. Трубецкого, с точки зрения которого память – это единственно ценное отличие человека от

¹ Подробнее см.: Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М., 2005. – С. 96 – 120; Барти К. Отдайся во власть воспоминаний. К проблеме воспоминания у Элиаса Канетти // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 64 – 65.

низшей твари, подтверждение человеческого достоинства, проявление свободы человеческого духа, хотя, по его же мнению, в свободе заложено начало человеческого греха [18, с. 19 – 60].

Если вслед за Е.Н. Трубецким рассматривать память как «переживание драмы жизни», то воспоминания И.С. Карпова показывают пути сохранения, потери и приобретения идентичностей в переломную для нашей страны эпоху.

Для анализируемых воспоминаний характерно противопоставление понятий «культурность» и «некультурность». На дореволюционном отрезке Иван Степанович постоянно подчеркивает собственную и близких «некультурность и нищету», отсутствие «тактичности» [8, с. 22 – 23, 27]. Идентифицируя себя с «некультурным», И.С. Карпов находит «культуру» в мире городских, образованных и богатых. Но пройдет время, и он расставит акценты иначе.

В революцию И.С. Карпов вынужден был обрести новую идентичность. Если прежде он считал себя бедняком, мужиком-крестьянином (черносошным крестьянином), а главное – православным, то новая власть сделала его «лишенцем». Пока лишение касалось избирательных прав и земли. Были и другие разнообразные «укусы власти» (выражение Н.Н. Козловой): анкеты со множеством вопросов, допросы (например, по Северной Двине от Архангельска до Котласа курсировал броненосец «Светлана», после поездки на котором священники сели и были в синяках), диспуты и так далее [8, с. 40 – 41]. Добавим, что это было время противостояния «тихоновской» и «обновленческой» церквей.

В 1920-е годы жизнь на удивление стала улучшаться, некоторые владельцы в селе вышли на хутора, правда, землеустройство было дорогое. И.С. Карпов служил в сельской церкви (в 1922 году стал дьяконом) и вел крестьянское хозяйство. Одновременно он решил заняться пчеловодством, и с большими материальными трудностями были куплены два улья. По селу была пущена молва, что «псаломщик распродал свои пожитки и одежду на покупку мух, от которых никто не разбогател» [8, с. 51]. Однако его пчеловодческая практика оказалась удачной, доход ощутимым. В 1924 году Иван Степанович даже получил премию на местной сельскохозяйственной выставке. Это был один из радостных моментов его жизни. И словно в опровержение в воспоминаниях следом идет другой сюжет – прямая противоположность предыдущему. На рыночной площади Красноборска И.С. Карпов наблюдал костер из книг, придавленных сверху сохой – приговор традиционному миру. Его поразило равнодушие собравшихся вокруг зрителей [8, с. 53]. Впрочем, для организаторов выставки и премии, и костер были однопорядковыми явлениями: премировались хозяева-культурники, с точки зрения власти, призванные вытеснить старые хозяйственные традиции, олицетворявшие собой поражение старого дедовского мира со всеми его атрибутами.

Можно было бы посчитать занятие Карповым пчеловодством исключительно хозяйственным мероприятием, связанным с необходимостью получения дохода. На первый взгляд, так оно и было. Однако, по нашему мнению, пчеловодство для Ивана Степановича – нечто большее, а пчела играет символическую

роль¹ в его жизнеописании, является одним из центральных образов памяти да и всей жизни. Впрочем, такую же символическую роль связи с землей выполнял и конь (лошадь).

С пчелой связан один из важных вариантов мифологического мотива плодородия – «открытие весны», пчела – символ особой витальной силы. Действительно, для И.С. Карпова НЭП – это хозяйственная «весна», а начало занятия пчеловодством – новый этап в его крестьянствовании, надежда на подъем. С пчелиным ульем ассоциируется ряд положительных символических смыслов: красноречие, трудолюбие, порядок, бережливость, мудрость. В православной традиции появление пчелы на Руси («божьей работницы») связывается с именами Зосимы и Савватия, основателей Соловецкого монастыря и Соловецких угодников. Пчелиный праздник – 17 апреля – день Зосимы; Зосимой назывался улей с иконой Зосимы и Савватия. Роль Соловецкого монастыря в судьбе Ивана Степановича – принципиальная, смыслодержащая: он дал, по выражению автора, «направление в мой жизненный путь» [8, с. 76].

С точки зрения мифологической традиции, пчела выступает на стороне Бога и против злого духа; несомненна связь пчелы с Богоматерью, а самая священная пчела – сын Божий. Наконец, духовное познание уподобляется производству меда пчелами. Для И.С. Карпова занятие пчеловодством стало одновременно познанием себя и людей в новую эпоху.

В 1928 году И.С. Карпов ощутил приближение нового грозного времени: вновь на реке появился броненосец «Светлана» (с оркестром), начались аресты торговцев и богатых мужиков, значительно повысились налоги. Карпов решил прервать службу в церкви, рассчитывая, что тем самым с него скинут налог, но не принося, однако, раскаяния и не снимая с себя сана церковного служителя, как советовал один его «коллега по цеху». Такой путь для него был неприемлем: совесть твердо называла подобный поступок иудиним предательством. Однако надежды не оправдались. Более того, все соседи в родной деревне оказались против возвращения семьи Карпова. Их разговор был простым: «не захотел работать топором в деревне, уехал на сладкие пироги в церковь махать кадилом» [8, с. 54].

И.С. Карпов все же переехал один, оставив на месте службы семью. Там его лишили сенокоса, пахотную землю разрешили засеять, но урожай позже отобрали по решению комитета бедноты. В родной деревне он оказался в недостроенном доме брата, скрыв от соседей, что у него пять ульев. Впрочем, вскоре последовало нападение актива комсомольцев на его пасеку, а затем и воровство пчел. Эти же комсомольцы постоянно рисовали плакаты-карикатуры на Карпова – служителя церкви. Воры поплотились: от укусов пчел их лица раздулись. Для И.С. Карпова это было символично; действительно, согласно народным представлениям чаще пчела жалит противников Бога. К тому же фигура вожака комсомольцев для него совершенно отвратительна в прямом и переносном смысле: парень – сотрудник НКВД и тайный агент, «это сила, даром что хромой, едва ходит и туловище набок» [8, с. 55].

¹ См. описание символической роли пчелы в мировой мифологии: Мифы народов мира: в 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 354 – 356.

Впечатляет момент одиночества, описанный Иваном Степановичем: «Хожу разбитый, потерял равновесие. Ни квартиры, ни земли, на родине ничего, кроме худого, нельзя ожидать. Сижу в овине, слежу за единственным горемыкой-ульем... Только один сосед для меня опора». Улей для автора в этот момент – его храм, часовня, скит, икона. Образ пчелы в мифологии амбивалентен. Она – не только символ особой витальной силы; другой мотив основан на связи пчелы и меда со смертью. Существует версия о происхождении пчелы из слезы упавшей из глаз распинаемого Христа.

Так начинается «уход» Карпова в «царство мертвых»¹, время, когда то и дело на его глаза наворачивались слезы.

И.С. Карпов наблюдал ход коллективизации в своей местности и описывал, как стали проводиться ежедневные собрания по организации колхоза; как трудно было крестьянам «решиться сдать свое хозяйство, нажитое в течение жизни тяжелым трудом, в общую собственность»; как собрание бедноты постановило сыпать хлеб в общие амбары, а общие собрания граждан противились ему; как были арестованы несогласные в одной деревни и как на следующий день крестьяне, объединившись с гражданами соседней деревни, написали сначала прошение об освобождении арестованных, а затем толпой в 150 человек пошли добиваться их освобождения; как в них стреляли.

Параллельно И.С. Карпова в течение месяца (наряду с двумя десятками человек) вызывали в сельсовет на допросы [8, с. 57 – 58].

Иван Степанович хотел записаться в какую-либо коммуну, но нигде его не принимали. Вновь он ощутил себя изгоем. Для человека, который по своему церковному сану служит объединению людей, – это особо тяжелое испытание. Еще раз он почувствовал себя «лишенцем» на товарищеском обеде в колхозе, в котором он работал по найму пасечником. Если судить по его воспоминаниям, сельская общность в его родной деревне была достаточно сплоченной. Она была сплоченным «мы» в противостоянии власти – «чужим». Но и священник оказался для нее «чужим». И.С. Карпов пережил чувствительные минуты унижения, когда на колхозном обеде по случаю годовщины Октября в 1929 году «всех наделали шаньгами, колобами, сушкой, сахаром», а о нем с сыном и не вспомнили. Стали голосовать, наделить ли печеньем и обедом. Все были против, только один колхозник предложил дать хотя бы калач, взяв который сын убежал. Колхозник дал ему сахар, Карпов выпил чашку кипятку. Все время по дороге домой «оскорбленный такой грубостью, некультурностью и дикостью колхозников», он думал, как «в будущем оставаться среди таких неблагоприятных дикарей» [8, с. 61]. Обратим внимание, что на этом жизненном отрезке И.С. Карпов идентифицирует себя с «культурным».

Последствия коллективизации для И.С. Карпова – это нищета и голод, поиск куска хлеба, непосильный налог, хождение за милостыней детей. Он пытается преодолеть невзгоды тяжелым трудом – как пчела.

В августе 1931 года Иван Степанович направил в Ляховский сельсовет заявление с просьбой о восстановлении в избирательных правах, на которое он

¹ См. подробнее: Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки». Любое издание.

получил отрицательный ответ. К заявлению была приложена автобиография¹. Таким образом, в нашем распоряжении находятся два близких по типу документа одного человека, если иметь в виду то обстоятельство, что оба имеют отношение к актуализации прошлого. Однако в автобиографии и воспоминании при всей их близости взаимодействие настоящего и прошлого формируется по-разному. Напомним о приверженности воспоминания изменениям и избирательности. В еще большей степени это присуще автобиографии, если она ориентирована на конкретное время и место, что, в частности, следует иметь в виду, рассматривая автобиографию Карпова.

Если суть воспоминаний И.С. Карпова – духовная эволюция его как личности на фоне эпохи, они написаны для самопонимания и понимания потомками, то посыл автобиографии – стремление быть понятым в то переломное время, попытка убедить власть и ее представителей в собственной лояльности. Соответствующим образом конструируется и прошлое: его биография – прежде всего, трудовая биография крестьянина (в воспоминаниях значительное место отведено его певческой практике и церковной службе). При этом перед нами история бедняцкого хозяйства (напомним, что новая власть благоволила именно бедноте), и в автобиографии показаны усилия Карпова поддерживать его всеми возможными способами (например, не отказываясь, наниматься пахать у соседей, столярничать, выращивать овощи). Понимая значение соседства в крестьянской хозяйственной и общественной жизни, он неоднократно апеллировал к авторитету соседей: «с каким усердием я взялся за хозяйство, знают все соседи»; «вижу превосходные результаты на своем маленьком огороде, что я думаю, видят мои соседи». Если судить по воспоминаниям, соседи, напротив, были вовсе не дружелюбны, а завистливы и жестоки – но в той мере, в какой они придерживались описанных в крестьяноведении принципов «моральной экономики» [10, с. 45 – 58], разделяя «своих» и «чужих» («своим» земля общины и ее сенокосные угодья положены по праву рождения, «чужим» – нет).

В автобиографии И.С. Карпов стремится показать, что «чужим» (священником) он стал невольно, в силу обстоятельств, а сама служба в церкви была для него мерой вынужденной, временной. К тому же он позиционировал свое положение как «в кабале у попа». Весьма красноречиво звучит в его изложении совет пчеловода: «Брось-ка ты, парень, эту бесполезную службу и займись пчеловодством, которое даст тебе кусок хлеба. Да вдобавок ты еще и столяр, так тебе только пчел и водить», а также его собственное суждение: «Вот где я услышал драгоценные слова».

Следующая часть автобиографии посвящена его пчеловодческой деятельности, а также испытаниям, которым она подвергалась в 1928 – 1930 годы. Иван Степанович хотел продемонстрировать, что пчеловодство совместимо с социалистическим строительством, поддерживается верховной властью и, наконец, приносит пользу (последний аргумент, надо сказать, вполне крестьянский): «Я

¹ Заявление и автобиография И.С.Карпова находятся в фондах Государственного архива Архангельской области. См. подготовленную В.Щипиним публикацию на сайте журнала «Новая жизнь»: Труды и дни пчеловода Карпова при новом режиме [Электронный ресурс] // Русская жизнь. – 2009. – 6 мая. – URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1249/>.

говорю всегда в защиту пчеловодства, потому что это для меня есть самый больной вопрос, и я всегда обращался в серьезных случаях к органам Советской власти за помощью и согласно Декрета об охране пчеловодства получал содействие и помощь». Для него узость крестьянского мышления, неготовность воспринимать иной вид хозяйственной деятельности в качестве «другого» (в культурологическом смысле этого слова), имеющего право на существование, представляется одной из самых болезненных проблем деревни: «Да еще больной вопрос в том, что несознательная часть деревни считает это не работой, а получением меду даром, а пчеловод торгует медом и ничего более не делает». Он дистанцируется от «кулака» – этого идеологического жупела эпохи: «Пчеловод должен быть вполне уверен, что он никоим образом не относится к кулачеству и что широкие массы того взгляда, что пчеловодство не пустая прихоть, а важнейшая отрасль сельского хозяйства, но требующая громадных усилий, труда и заботы со стороны лица им занятого». Однако его односельчане, напротив, усматривали в занятии пчеловодством «нетрудовые доходы» и «эксплуататорскую» суть. На общих собраниях решалось: «При обложении сеном или хлебом всегда ставили вопрос так: отобрать у меня с полудуши 5 пудов хлеба, ведь у него меду много. Или: взять у него весь урожай сена, ведь он корову медом кормить может; да он ничего не работает, все с пчелами». Карпов жаловался: «Я слышу, что меня надо убрать, что я не всех снабжаю медом».

В заключительной части автобиографии он был вынужден сделать некоторые реверансы в сторону власти, имея в виду свою религиозность и службу в церкви. Во-первых, он подчеркивал: «Я не описал никаких обрядов религии и церковной службы, думая, что они никому не интересны и большинством теперь забыты». В воспоминаниях же – отметим вновь – этому уделено много места. Во-вторых, он, насколько возможно, постарался не отречься от веры: «Про себя же скажу, что я в первое время службы был как верующий человек, слепо верующий, так как не кончил никакой духовной школы и решать религиозные вопросы не в силах, так и остановился в нерешенном состоянии в истинности религии».

В воспоминаниях же он написал: «Я с горечью решил оставить свою церковную службу» [8, с. 54]. Что касается эпизода с заявлением в сельсовет, то он описан кратко – «я заплакал навзрыд» [8, с. 62]. Для воспоминаний этого достаточно. Аргументированная логика, продемонстрированная им в автобиографии, здесь не так значима: важны чувства и переживания.

Разрушение и закрытие храмов – самое сильное впечатление и самая сильная душевная боль наряду с физическими страданиями. Для И.С. Карпова самый запоминающийся звук этого времени – «невыносимый визг при разбивании колоколов», диссонанс с привычной музыкальной гармонией православного богослужения. По его замечанию в воспоминаниях, «скучно, тяжело было переживать такие чрезвычайные события». «Тоска» и «скука», как отмечают лингвисты, – наиболее частные выражения безысходного состояния (недостижимость чего-то), присущие русской языковой картине мира [7, с. 150 – 152]. Ивана Степановича совершенно выбивает из колеи Пасха 1934 года, которой предшествует антипасхальная неделя. По народным представлениям, на Пасху пчел поздрав-

ляют. В пасхальную ночь колхозников отправили на субботник по вывозке в поля навоза: светлomu празднику противопоставляется «грязная» работа. В момент праздничной литургии в единственном во всей округе храме комсомольцы заиграли на гармонии, пришли ответственные лица из исполкома и закрыли церковь навсегда [8, с. 63].

Наконец, кульминация земных страданий автора – арест в декабре 1937 года. Тюрьма – место, где И.С. Карпова в камере окружило множество людей (коллектив наизнанку, антиколлектив, своеобразный человеческий муравейник как антитеза пчелиному улью), со смрадом, неподвижностью, жаждой, голодом и болезнями. Затем – переезд в вагонах в тесноте («как негодных червей вбили в ящики»), в ощущении жажды и остановившегося времени в лагерь, на лесозаготовку. Лагерь описан тяжелейшими работами, воровской атмосферой всего и вся («хороших сапог не снимали с ног из-за боязни кражи, спали в сапогах»), сознанием полной обреченности и безысходности, хотя Карпов везде и постоянно тайком молился. В лагере ему приснился пророческий сон (второй за его жизнь), связанный с пчелами [8, с. 64 – 68]. Пчела символизирует восставшего из смерти Христа, бессмертие.

Когда в связи с сокращением срока наказания И.С. Карпов был в 1939 году освобожден, подытоживая свои воспоминания о двух годах в неволе, он написал: «Нужны невероятные силы выдержать жестокие бытовые условия, привычка к тяжелому физическому труду и моральная поддержка». В дальнейшем – в войну и после войны – он работал в совхозе, где вновь ощутил на себе испытующее влияние прошлого. В 1948 году, в 60 лет, он вышел на пенсию, завел пчел, посадил ягодники – прообраз райского сада, создав для себя таким образом тот мир, который ассоциировался у него со счастьем, а душевным покоем для него оставался Бог.

Коллективизация предстает в памяти архангельского крестьянина И.С. Карпова как действительный уход с исторической сцены старого быта и старой культуры и как символическая собственная смерть. После воскресения он обрел ту жизненную силу, которая помогла ему написать воспоминания, в конце концов нашедшие своего читателя, а значит, обрести новую жизнь – бессмертие.

Примечания

1. CASUS. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1997 – 2005. – Вып. 1 – 7.
2. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова. Публикация и исследование текста / подг. текста, предисл. и комментарий Б.И. Осипова. – Омск, 1995.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. – М., 2004.
4. Бартиш К. Отдайся во власть воспоминаний. К проблеме воспоминания у Элиаса Канетти // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 64 – 65.
5. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906 – 1922 годы. – М., 1995.

6. Ефремов М. Моя жизнь. – Барнаул, 1950.
7. Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2004.
8. Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания // Новый мир. – 1992. – № 1. – С. 7 – 76.
9. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005.
10. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999.
11. Кошелев В.А. Повесть о том, как один мужик... // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX веков. – М., 2006. – С. 5.
12. Лихачев Д.С. Раздумья. – Л., 1991.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.
14. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915 – 1931 годы. – М., 1997.
15. Нуркова В.В. Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности. – М., 2000.
16. Опыт историко-социологического изучения села Молдино. – М., 1968.
17. Ретина Л.П. Культурная память и проблемы исторического описания (историографические заметки). – М., 2003.
18. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994.

*О.В. Орлова,
заведующая отделом научной работы ГУК «Национальная галерея
Республики Коми», г. Сыктывкар, Республика Коми*

Личный архив семьи крестьян Яренского уезда Архангельской губернии Лемзаковых

Публикуемые материалы из Национального архива Республики Коми¹, научного архива Национальной галереи, фонда Яренской районной библиотеки, подготовленные на основе дневниковых записей художника Николая Александровича Лемзакова (1916 – 1993 годы), его переписки с родственниками, коллегами, друзьями, семейного архива крестьян Лемзаковых позволяют по-новому взглянуть на творческую и человеческую судьбу живописца. Мы располагаем материалом объективным и достаточно красноречивым. Смысловая направленность данной статьи – восстановление-реконструкция фактов биографии Н.А. Лемзакова – идеально одинокой личности. Художник писал в тетрадках, блокнотах, на простых листках, кусочках обоев... Его тянуло запечатлеть то, что зналось и помнилось, хотелось сделать попытку разобраться в собственном творчестве, окинуть мысленным взором и попробовать прокомментировать пройденный путь, его непростые перипетии. Рукописное наследие Н.А. Лемзакова пестро по своему составу, неравноценно по содержанию. Многие не завершено, не отшлифовано, записи фрагментарны, отрывочны. Несколько вариантов

¹ ГУРУ «НАРК». – Ф. 2282-р. Коллекция документов семьи Лемзакова Николая Александровича. – Оп.1. – 1972 – 1982 г. – Д. 43. Дневники с записями о личной жизни, черновики писем (воспоминания о детстве, одиночестве). – Л. 91.

<i>Шушвал Н.А.</i> Отчеты благочинных о пожертвованиях как источник по изучению традиций храмопопечения во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Вологодской епархии)	172
Раздел 2. Культура Русского Севера	179
<i>Самарина Н.Г.</i> Источники для изучения крестьянской культуры (по материалам Забелинских чтений Государственного исторического музея)	179
<i>Ерохина Е.А.</i> Русские: народ, государство и география в геополитическом, этно- и социокультурном контексте досоветского периода	190
<i>Кознова И.Е.</i> Культура как память: севернорусский крестьянин вспоминает прошлое (по воспоминаниям И.С. Карпова)	196
<i>Орлова О.В.</i> Личный архив семьи крестьян Яренского уезда Архангельской губернии Лемзаковых	207
<i>Галимова Е.Ш.</i> Борис Шергин о народной художественной культуре Русского Севера	218
<i>Пиликина Н.Н.</i> Культура предметного мира в системе деревянного зодчества	224
<i>Мошина Т.А.</i> Крестьянские традиции в быту петрозаводчан в первой половине XIX века (по материалам воспоминаний современников, периодической печати и архивных документов)	232
<i>Голубкова О.В.</i> Дерево и крест в славянских и финно-угорских культовых традициях	237
<i>Юренко (Кузнецова) А.И.</i> Православные монастыри в современном культурном пространстве Русского Севера	247
<i>Демчук Г.В.</i> Из истории Куростровской церкви Двинского уезда	252
<i>Мелютина М.Н.</i> Часовенный календарь Кенозерья	264
<i>Цеханская К.В.</i> Святые дети в культуре Русского Севера	282
<i>Кондратьева В.Г.</i> Промысловый календарь в Поморье в конце XIX – начале XX веков	287
<i>Трапезникова А.А.</i> Материал крестьянских родословных в экспозиции и интерактивных программах Архитектурно-этнографического музея Вологодской области: родословие рода Храповых	300
<i>Добровольская В.Е.</i> Запреты и предписания, связанные с женскими сельскохозяйственными работами в традиционной культуре Русского Севера	304
<i>Золотова Т.Н.</i> Севернорусские традиции в календарных обрядах сибирияков	314
<i>Шелегина О.Н.</i> Адаптация результатов научных исследований к музейной практике (на примере изучения севернорусских традиций в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири)	321
<i>Третьякова В.В.</i> Коллекция семьи Махновых из деревни Трофимовская Онежского уезда в собрании Архангельского областного краеведческого музея (1745 – 1936 годы)	328
<i>Ломакин В.Н.</i> Описание основных типов поморских судов	339